

УДК 378.1

Ф.Ф. ЗЕЛИНСКИЙ О РОЛИ АНТИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

©А.В. Малафеев

Самарский филиал Московского государственного университета сервиса

Рассмотрена роль античности в развитии образования на основе анализа работ Ф.Ф. Зелинского

Европейский мир, по мнению Ф.Ф. Зелинского, на протяжении всей своей истории *учился у античного. Но в каждую эпоху учился по-своему.* От эпохи к эпохе неизменным оставалось только то, что, главным образом, именно в античности европейские народы искали и находили - ключи, всякий раз открывающие пути будущего развития. *Было бы неправильно понимать античность только в качестве образца,* - полагает Ф.Ф. Зелинский. Нормативность в ориентации современного человека на историю может быть губительна, поэтому античность надо понять не как извне заданную норму, а в качестве действенного импульса, питательного элемента современных форм миропонимания и жизни. *«Античность - не норма, а семя».*¹ Раз так, то и «образовательное значение античности» зависит не от нее одной, а и от той почвы, на которую ляжет благодатное семя этой культуры, от характера тех задач, способов разрешения которых ищут в античном мире.

Уже в раннем Средневековье античность выполняла формирующую, образовательную функцию, во многом определяла строй сознания европейских народов. В средневековье, первым обратившемся к античному наследию, Ф. Зелинский обнаруживает две наиболее общие задачи, два стимула восприятия греко-римской образованности - пайдейи. Вначале, это была *задача усвоения Священного Писания и творений отцов церкви* (первый период изучения латыни, ставивший в центр преподавания христианские сочинения, Зелинский называет «душеспасительным»²). Достижение этой цели немислимо не только без обращения к греческому и классической латыни,³ но и без усвоения соответствующей умственной культуры греко-римского мира. (А иначе, что поймем мы в терзаниях Иеронима о том, что

он больше цicerонианин, чем христианин?).

В зрелом средневековье, особенно в эпоху расцвета схоластики, возникла другая задача восприятия и усвоения античного наследия - это была *задача усвоения древней науки.* Аристотелизм становится парадигмой средневекового научного мышления. Для схоластики заново открытый ею Аристотель - не только Философ. Его называли еще более неожиданно: *«praecursor Christi in naturalibus»*, «предтеча Христов в том, что касается вещей естественных».⁴ Итак, в развитом Средневековье - прежде всего в лице Стагирита - античность становится наставницей европейской науки.⁵ И вновь обращение к ней вызывает прилив образовательного воодушевления. Только основательно усвоив античную науку, новая Европа могла рассчитывать на то, чтобы ее превзойти; но уже к исходу средних веков, полагает Ф. Зелинский, эта цель усвоения античности «отошла на задний план, уступив место новым целям и задачам».

С выполнением каждой очередной задачи казалось, «что с античностью можно бы и покончить. И действительно, классическое образование на какое-то время приходило в упадок. Так было, например, в XIV веке, после короткого, но бурного расцвета схоластики. Но именно в этом веке классическое образование быстро и ярко расцвело вновь - наступил период Возрождения».⁶ Гуманисты открыли новый действенный импульс влияния древности на современность - им стало *правственное красноречие античной риторики.* На первый план в гуманистическом обращении к античности (XIV век) вышли не так называемые «искусства» (artes - этим словом в средние века обозначались дисциплины античной науки,⁷ которые, прежде всего и культивировались), а сами

древние «авторы» (auctores⁸), в первую очередь, конечно, латинские ораторы. Для гуманистов, начиная с Петрарки, первым среди них неизменно оставался Цицерон.⁹

Для понимания образовательного значения античности в эпоху романского Ренессанса XIV в. символически значимым оказывается открытие Петраркой «Писем» Цицерона. Прежде, говорит Ф.Ф. Зелинский, Цицерона знали по преимуществу как автора «Тускуланских бесед» - бесстрастного мудреца. Цицероновы письма научили Петрарку «ставить форму своих произведений в соответствие со своей личностью». Открытие «Писем» было не просто открытием «индивидуальности», которой так дорожила культура Ренессанса. Это было открытие того, что форма индивидуальности ярче всего выражается в форме *письма и слова*. Схоластическая латынь оказалась дурна не тем, что она уродлива, а тем, что она была *безлична*. В этом контексте и должно быть понято *ренессансное открытие античного искусства речи*.

Новый всплеск образовательного увлечения античностью пришелся на эпоху Просвещения. Именно в это время, замечает Ф.Ф. Зелинский, Европа обнаружила **«интеллектуалистический характер древней литературы**, венцом которого была древняя философия». Как раньше, следуя установкам гуманистов, учились латыни ради красноречия, чтобы хорошо говорить и образцово писать, *так теперь, воспринимая идеи просветителей, стали учиться ей, чтобы хорошо мыслить*. *Pour bien raisonner* - таков был девиз «просветительной» эпохи, начавшейся в Англии в XVII в., продолжившейся во Франции XVIII в. и отразившейся на культуре прочей Европы того времени, эпохи Ньютона, Вольтера, Фридриха Великого и Екатерины.¹⁰

Характерно, что если романское Возрождение XIV века (например, в лице своего предводителя Петрарки) видит в Цицероне прежде всего автора «Писем» (влияние Цицерона на Петрарку было влиянием глубоко личным, подчеркивает Зелинский), то Просвещение открывает в нем уже не «автора» и не мудреца, а *мыс-*

лителя. «Мы смеемся над грубыми схоластиками, которые долго царствовали среди нас, - говорит Вольтер, - *но мы чтим Цицерона и всех тех древних, которые научили нас мыслить*».¹¹ Даже если мы не признаем в Цицероне оригинального и мощного философа, то уж никак не сможем отказать ему в том, что он *здраво и самостоятельно судит о философах* (Платоне, Аристотеле и др.) - а именно это Просвещение училось понимать и ценить в первую очередь.¹²

Итак, Возрождение XIV века училось у античности словесности, просвещение XVIII обратилось к ней, чтобы научиться хорошо мыслить. В том же XVIII столетии односторонний интеллектуализм просветительской эпохи вызвал реакцию, достигшую особенной силы в Германии Винкельмана и Гете. «Лозунгом стало теперь *гармоническое развитие человека в указанном природой направлении*. И средством к достижению этого идеала опять стала античность, за изучение которой в гимназиях принялись с особенной силой. Это было неогуманистическое направление; тогда впервые **греческий язык и греческая литература** заняли место наравне с латинскими, т.к. деятели этой эпохи совершенно основательно полагали, что к их идеалу греческая жизнь стоит ближе, чем римская».¹³ Таким образом, в стремлении к греческому идеалу «естественности» видит Зелинский смысл пятого по счету, неогуманистического, периода усвоения античности. И он вряд ли будет последним звеном в нашем плодотворном у нее ученичестве.

Идея о том, чтобы подходить к европейской истории и культуре сквозь призму вновь и вновь происходящих «возрождений» античности оказалась очень близка символистской культурологии. Особенное сочувствие она встретила у Вяч.Иванова: «Как исторический факт можно установить, что европейская мысль постоянно и закономерно возвращается за новыми стимулами и оплодотворениями к гению Эллады. И тогда этот гений снова празднует свое возрождение. Великое слово «Палингенесия»¹⁴ было завещано умирающей Грецией ее достойнейшему на-

следнику, и христианская церковь была первою, принявшей слово... Всегда Эллада была для европейского духа родником жизни и обновляемой молодости. Всегда была она желаемой и страстию воскрешаемой Еленою для символического Фауста». ¹⁵ Как и Зелинский, Вяч.Иванов перечисляет цепь «возрождений эллинизма» - итальянский Renaissance, возрождение классической древности в XVIII веке (Лессинг, Винкельман, Шиллер), новое возрождение античности у Фр.Ницше. ¹⁶

Впрочем, идея об античной палингенезии как «парадигме» европейской истории и культуры Ивановым переосмысливается. Согласно его формуле, не одно эллинизма, а **эллинизма и варварства** - два *взаимодополнимых и действенных полюса европейской истории*. Взаимодействие **двух** этих **начал** определяет текущие тенденции развития и жизни. «Из перегноя нескольких древнейших культур, величайшею из которых была египетская, выросла единая на долгие века средиземная культура - эллинизма. Нет в Европе другой культуры, кроме эллинской, подчинившей себе латинство и донныне живущей в латинстве, - пускающей все новые побеги из ветвей трехтысячелетнего, дряхлеющего, но живучего ствола». ¹⁷

Но рядом с миром эллинской культуры, продолжает В. Иванов, живет отдельной жизнью столь же великая стихия неэллинизма, варварства. Оба мира относятся друг к другу как *царство формы и содержания, как формальный строй и рождающий хаос, как Аполлон и Дионис*. «И вечно повторяется старая сказка о похищении Елены дикими любовниками: вечно варвар Фауст влюблен в Прекрасную, и Хаос ищет строя и лика, и скиф Анахарсис путешествует в Элладу за мудростью формы и меры. И опять и опять совершается «возрождение» - новые и новые восторги гениальных учеников пифийского предания». ¹⁸ Всякий раз наступающее вновь возрождение «составляет для нас, варваров, потребность жизненную, как ритм дыхания».

«Выше раскрытая норма исторических отношений варварского мира к единой (греко-римской) культуре, - пишет В.

Иванов, - определяет, в частности, характер соприкосновения русской души с жизнью Запада. Варвары по преимуществу, мы учимся из всего того, что возникает там существенно нового не столько этому новому, сколько, через его призму, **всей культуре**. Так в XV и XVI веках, по древностям позднего Рима учились варвары не тому, что позднеримское, но античности вообще, какому-то отвлеченному и никогда не существовавшему греко-римскому классицизму. Это культурно-историческое недоразумение. Тем не менее, оно просветительно и плодотворно. Варварство талантливо, но таланты варваров не будут знать сами, кто они и откуда и зачем пришли - тогда, как в латинстве каждый деятель умственной жизни знает свое историческое место и готовую носит свою формулу». ¹⁹ В. Иванов ставит историческую, поистине грандиозную задачу - соединить варварство и культуру, славянство и эллинизма.

В русскую почву античность уже давно заронила свои живительные семена (письмо, многие понятия языка, доставшиеся в наследство вместе со словом церкви). Здесь она успела произвести немалые всходы (им причастна, например, русская поэзия). Но своего «решительного слова, - убежден Зелинский в начале века, - она еще не сказала». Состоялись два великих Возрождения античности, - «романское» (XV века) и «германское» (1780-1830 годов). «Славянский мир в обоих участвовал лишь косвенно, освещаемый отраженным или преломленным светом». Однако, **«его грядущая культурная самобытность, требует, чтобы и он имел свое - числом третье - великое славянское Возрождение»**. ²⁰ В чем будет состоять его смысл - покажет будущее. Но готовь его нужно уже сейчас.

Первейшим звеном в подготовке славянского возрождения должно стать *классическое образование*. Значение его, полагает Ф. Зелинский, слишком велико, чтобы этим фактором можно было пренебречь. За вековую историю своего существования классическое образование «охватило все народы так называемой европейской культуры, которые *лишь со времени*

его приятия и сделались цивилизованными». Характерная закономерность: культурная сила этих народов тем значительней, чем серьезнее у них поставлено классическое образование. Русское общество должно, наконец, осознать: «Пусть классическая школа имеет не очень сильную опору в истории России; но все остальные типы школ, существующие и предполагаемые,²¹ не имеют никакой... **Россия стала культурной страной лишь с тех пор, как завела у себя классическую школу**».²² С ней должны быть связаны и ее надежды на будущее.

Даже если бы мы не знали вообще, лукавит Ф. Зелинский, в чем состоит образовательное воздействие античного мира, мы могли бы, тем не менее, обнаружить, что на протяжении истории европейского человечества всплески особенного интереса и жажды приобщения античности «сопровождаются всплесками умственной культуры», так что, «если изобразить, как это делают метеорологи, кривою линиею колебания классической системы образования в тех или иных государствах Европы, то можно увидеть, что эта кривая *будет выражать вместе с тем и колебания умственной культуры*» у народов этих стран.²³ Принцип, характеризующий зависимость культурных результатов от уровня постановки классического образования (назовем условно: «*принцип Зелинского*») было бы интересно проверить, обратившись к истории русской школы...

В XIX столетии отечественное образование знает относительно короткий - порядка четверти века - период утверждения классицизма (классической школы). Он пришелся на вторую половину века и связан с деятельностью в царствование Александра II министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого. Министерский пост он занял в 1866 г. и буквально с первых же дней своего министерства стал проводить решительную политику насаждения классического образования.

Программу деятельности новый министр сформулировал так: «Я постараюсь, чтобы из гимназий выходили не самонадеянные верхогляды, все знающие и ничего не знающие, но молодые люди,

скромные и солидно образованные».²⁴ «Классицизм» сделался стречнем этой образовательной программы. В ее проведении новый министр опирался на поддержку М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева - соарендаторов крупнейшей русской газеты «Московские ведомости».

Вскоре (в 1871 году), был утвержден новый, нацеленный на классическую школу, гимназический Устав, заблаговременно на него была сориентирована программа Петербургского Историко-филологического института, готовившего учителей русского, древних языков, истории. Из-за недостатка своих учителей с 1865 г. в Россию стали выписываться австрийские славяне и чехи с зарубежными дипломами, которые приступали к преподаванию древних языков сразу после освоения русского языка в объеме, достаточном для ведения предмета. В рамках общей классической ориентации важным событием стало открытие в 1873 году в Лейпцигском университете русской филологической семинарии (в ней, кстати, защищал свою первую диссертацию Фаддей Зелинский). Семинария эта дала России по-европейски образованных, однако же, своих, отечественных филологов-классиков.

Классическая образовательная программа решительно осуществлялась вплоть до 1881 года, когда последовали сперва отставка министра-классициста, а затем и гибель Александра II. Но и позднее, в течение еще, по крайней мере, десяти лет «классическая гимназия Д.Л.Толстого» сохраняла весомые позиции. Они были поколеблены лишь новой образовательной реформой, начавшейся в 1890 году. По адресу эпохи «господства классицизма» в русском образовании сделано немало критических замечаний. С ней связывали засилье в русской школе «мертвых языков», тягостную атмосферу их грамматической зубрежки. Гимназический учитель греческого и латыни был выставлен на осмеяние как «человек в футляре». Русское общество восприняло «классицизм» в школе 60-80-х гг. достаточно негативно. В этом, собственно, как раз и состояла главная неудача насаждавшего

классицизм министра и его ближайших сподвижников.

Классическая школа описываемого времени, ее программа, по-видимому были далеки от совершенства.²⁵ И все же, мы должны судить о ней по ее результатам. По крайней мере, один такой результат очевиден, если согласиться, что *своим расцветом начала века русская философия и словесность в значительной мере обязаны именно «классической гимназии»*. Классическая школа середины 60-х - конца 80-х годов (гимназия и университет) выпустила из своих стен замечательную, невиданную ни прежде, ни потом, когорту филологов-классиков. Сам этот факт не кажется неожиданным - в конце концов, таков был «профиль» этой школы. И все-таки нельзя не удивиться, наблюдая распределение дат рождений известных русских антиков - историков и филологов-классиков рубежа веков.²⁶ Все они принадлежат фактически одному поколению - поколению «русской классической гимназии» указанного времени).

Обратившись к русской философии, увидим нечто похожее. Из классической школы вышла плеяда русских философов ближайшего к Владимиру Соловьеву (1853-1900) поколения - многие из них тоже, между прочим, с ярко выраженной «античной направленностью» своих философских постижений (братья Трубецкие, Э. Радлов, и конечно, сам В. Соловьев). Вместе они, наверное, и создали ту филолого-философскую «закваску», то новое качество отечественного образования - *humanioга*, которое в значительной степени определило своеобразный «культурный взрыв» начала - первых двух десятилетий XX столетия.²⁷ Так что, «принцип Зелинского», выделяющий в истории гуманитарной культуры доминанту классического образования, применительно к истории отечественной культуры второй половины XIX - начала XX веков оказывается весьма актуальным.

Тем не менее, нужно понимать, что когда Ф. Зелинский говорил о «третьем Возрождении» античности и «славянском Ренессансе», подразумевалось нечто много большее, чем только «классическая гимна-

зия» ближайшего прошлого и настоящего, существованию и реформированию которой Ф. Зелинский тоже отдал немало сил. Разумелось, конечно же, не просто насаждение классицизма в школе и университете. У Зелинского и его единомышленников речь шла, напомним, *о высшем слиянии современного мира с «эллинской концепцией жизни»*. Классическое образование, «школьная античность» - изучение классических языков, античная история и филология - сами по себе могли выполнить лишь подготовительную работу - вздобрить почву, создать благоприятную среду для подлинного расцвета - «славянского Ренессанса»...

В деле его подготовки важное значение Ф. Зелинский придавал просветительской деятельности. В этой связи он задумывает и публикует целый ряд популярных работ об античной культуре. Прежде всего, это грандиозный цикл «Из жизни идей». (Сюда же относится и экспериментальный учебник для школ по истории античной культуры - первый в своем роде не только в России, но и в Европе.²⁸ Сразу после революции Зелинский издает ряд популярных книжек о религиях античного мира). Работы этого цикла интересны еще и тем, что в них он, по-видимому, довольно неожиданно для себя, *сталкивается с проблемой выработки новой*.

Мы не найдем в сочинениях Ф.Ф. Зелинского, в статьях и лекциях цикла «Из жизни идей» (1903), в последующих работах историко-просветительского и теоретического характера - ни слова «культурология», ни каких бы то ни было деклараций, утверждающих культурологическую программу гуманитарного знания. Тем не менее, Ф.Ф. Зелинский по праву должен быть назван в ряду тех немногих, кто стоял у ее истоков в начале XX века. Некоторые фрагменты названного цикла (и в особенности книга «Древний мир и мы») создают впечатление непосредственного присутствия при зарождении новой - культурологической - формы знания. В чем состоит особенность и смысл культурологической программы? Думается, что Ф. Зелинский поможет нам обозначить направление поиска ответа на этот непростой вопрос. Но

прежде - несколько замечаний методологического свойства.

На протяжении всего XX века культурология пытается определиться в своем предмете и методе. С предметом как будто проще: значение термина предусматривает, что предметом дисциплины является сама культура. Речь, стало быть, идет обо *всей* (!?) совокупности ее составляющих (явлений языкового, исторического, бытового порядка, событий духовной, общественной или индивидуальной жизни, форм миропонимания), осмысляемых свой грех перед ним тяжелым подвигом, состоявшим в том, чтобы пройти с посохом в руке путь во много миллионов миль. Ориенций попросил у Творца, чтобы путь его был ровен, Окциденций же не стал просить ничего. С тем их и отпустили. Ориенций, как он и просил у Творца, оказался на равнине. Тронувшись в путь и идя к своей далекой цели, он не замечал ее приближения, и потому, в конце концов остановился, без надежды ее достичь. Окциденций оказался на неровной дорожке «перед ним овраг, за оврагом лесок, за леском – холмик, на нем точно белая заря горит». Схватил посох и отправился в путь. Дойдя до холма, он увидел, что просчитался, рассчитывая на близость цели. Но, понадеявшись, что за следующей горой уж точно ждет его цель – вновь двинулся в путь. «И так все дальше и дальше, день за днем, неделя за неделей, за месяцем месяц... Надежда сменяется разочарованием, из разочарования вырастает новая надежда. Он шествует и поныне» (Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы, С. 145-147).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф.Ф. Зелинский. Древний мир и мы – СПб., 1997. С.76-77.
2. Там же. С.13.
3. Конечно, говорит Зелинский, был и другой способ, более простой и удобный – перевод этого (Священного Писания, литургии, творений отцов церкви и житий святых) на родной язык: так позднее поступили народы христианского Востока, и следствием было то, что они остались в стороне от

культурного движения.

4. Цит. По: Аверинцев С.С. Христианский аристотелизм и проблемы современной России // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. – М., 1996. С. 324
5. См.: Ф.Ф. Зелинский. Древний мир и мы - СПб., 1997. С.11
6. Там же. С. 12.
7. Ф.Ф. Зелинский. Художественная проза и ее судьба. // Из жизни идей. – СПб., 1996. С.270.
8. Ф.Ф. Зелинский. Художественная проза и ее судьба. С.270-273.
9. Ф.Ф. Зелинский. Цицерон в истории европейской культуры. // Зелинский Ф.Ф. Возрождении - СПб., 1997. С.35-36.
10. Ф.Ф. Зелинский. Древний мир и мы - СПб., 1997. С. 12.
11. Вольтер Философские диалоги, XIII. Цит. по: Зелинский Ф.Ф. Цицерон в истории европейской культуры. С.40.
12. Ф.Ф. Зелинский. Цицерон в истории европейской культуры. С.46.
13. Ф.Ф. Зелинский. Древний мир и мы - СПб., 1997. С. 12.
14. *Nakiy-ucvstva* (греч.) - возрождение.
15. Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога. // Новый путь 1904, №2. С.59-60.
16. Там же. С.60-65.
17. Иванов Вяч. Эллинство и варварство. // Иванов Вяч. Родное и вселенское. - М.,1994. С.66.
18. Там же, С.65. Ср.: Иванов Вяч. Лев Толстой и культура // Иванов Вяч. Родное и вселенское. С.277.
19. Там же. С.67-68.
20. Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. - Пг.,1919. С.2-3.
21. Зелинский активно участвовал в работе комиссии по реформе школы в бытность министром народного просвещения Н.П. Боголепова (1898-1901, убит в 1901 г. эсером П.В. Карповичем), отстаивая интересы «классического образования» перед угрозой его поглощения «реальной» школой.
22. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы - СПб., 1997. С.8-10.

23. Там же. С.8
24. Цит. по: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – М., 1994, Т.2, Ч.2. С.314
25. Вах К.А. Классическое образование (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие. -М.,1991. С.189.
26. Сопоставив даты рождения ведущих отечественных античников рубежа веков и первой половины XX века не трудно выделить два возрастных поколения, чье гимназическое или университетское образование как раз приходится на годы существования «классической школы» середины 60-х конца 80-х. Это - поколение Ф.Ф. Зелинского (1859-1944) и другого выдающегося антиковеда М.И. Ростовцева (1870-1952). К первому по времени принадлежат Р.Ю. Виппер (1859-1954), В.П. Бузескул (1858-1939) - это самые известные. Кроме того - Н.И. Новосадский (1859-1942), И.М. Гревс (1860-1912), Э.Р. Штерн (1859-1924), А.В. Никитский (1859-1921), а также чуть более ранние - В.В. Латышев (1855-1921), Ю. Кулаковский (1855-1919), И.Ф. Анненский (1854-1909), П.Г. Виноградов (1854-1925). Ко второму возрастному поколению выделяемому достаточно условно, конечно, могут быть отнесены, тоже сформировавшиеся в «классической школе Д.А.Толстого», С.И. Соболевский (1864-1963), С.А Жебелев (1867-1941), М.М. Покровский (1869-1942), сам М.И. Ростовцев (1870-1952), а также М.М. Хвостов (1872-1920), Б.В. Фармаковский (1870-1924), Г.Ф. Церетели (1870-1932). Известные классики Корш Ф.Е., Вейсман А.Д. во времена министерства Д.А. Толстого уже трудились на ниве «классической образованности». Непревзойденный учебный греческо-русский словарь А.Д. Вейсмана вышел первым изданием в 1878 г. со словами благодарности в предисловии за содействие его труду гр. Д.А. Толстому и А.И. Георгиевскому.
27. В гуманитарном знании это Вяч.Иванов (г.р. 1866) и А. Белый (1880), П. Флоренский (1882) и А. Лосев (1893), Л. Карсавин (1882) и П. Бицилли (1879), а также Г. Шпет (1878), Ф. Степун (1884), Г. Флоровский (1893), М. Бахтин (1895) и многие другие. Перечень этот далеко не полон. Его могли бы продолжить Г. Федотов, О. Фрейденберг, Я. Голосовкер, Б. Ярхо, В.М. Жирмунский...
28. см.: Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. - СПб., 1997. С. 13.

F.F. ZELINSKY ON THE ROLE OF ANTIQUITY IN EDUCATION

© A.V. Malafeyev

Moscow State University of Service Samara Branch

The role of antiquity in the development of education has been considered on the basis of the analysis of F.F.Zelinsky's works.